

Часть первая

ПОСЛЕДНЯЯ МИНУТА

Запотевшая бутылочка шампанского, длинный бокальчик из тончайшего стекла, дольки апельсина в небольшой вазочке, поломанная плитка шоколада на блюде — готово. Майя подхватила поднос и... бутылка пошатнулась, едва не упав! Удержалась, к счастью. Майя поставила поднос на стол и положила шампанское набок, теперь можно отправиться из кухни в гостиную, потом на второй уровень, но по лестнице удалось сделать всего пару шагов...

— Ай, черт! — вскрикнула она, неуклюже наступив на край подола кружевного халатика цвета пенки вишневого варенья.

Пеньюар — так называла свободный до пят халат одна старуха из породы артефактов. Она уверяла, будто ей девяносто, но безбожно врала, бабке сто пятьдесят, не меньше. Прозрачное одеяние предназначено восхищать и соблазнять конченных маразматиков, выживших из ума идиотов, считающих себя бесподобными самцами. Однако слово «пеньюар» взяло на языке, халат он и в Африке халат, да и звучит привычно, неприятельно, ведь Майя из простой среды. Да, она простушка. Была когда-то!

Ходить по ступенькам вверх в длинном балахоне неудобно: одной рукой держать поднос, другой при-

поднимать подол. Данное занятие для горничных, а Майя нынче далека от плебейства, она воспитала себя аристократкой. Видя свои усилия как бы со стороны, честно оценила их:

— Каракатица. Ха-ха-ха...

Но только Майя имеет право так сказать, к себе следует относиться максимально критически, не занижая самооценку и не зарастая комплексами, иначе успехов не видать. Да уж, пусть попробует отозваться о ней в негативном ключе кто-нибудь другой... пожалеет. Кстати, каракатицей Майя бывает лишь наедине с собой, посторонние знают ее другой — изящной, легкой, грациозной.

Поднос она поставила на пол у лестницы, распахнула пеньюар, а под ним — ничего, одно тело, собственно, ей не перед кем корчить из себя святошу, в доме Майя одна. Теперь можно подняться, не боясь свернуть шею.

Напевая, она вплыла в уютную ванную комнату в стиле классика: золото и белизна, а пол выложен бежевым кафелем. Ой, как же Майка любит все эти финтифлюшки-завитушки, беленькие полотенца с вышитыми золотой нитью гербами, вазочки и стаканчики, выдержанные в стиле... в стиле...

— Рококо! Или барокко? Не помню. Ну и фиг с ним.

Здесь миленькая и небольшая ванна на золотых ножках, рядом столик с вензелями, кругом зеркала... зеркала... Любуйся собой со всех сторон, что Майя и делала каждое утро после сна, раздеваясь донага.

— До чего же я себе нравлюсь! — коронная фраза по утрам и вечерам, когда Майя смотрится в зеркала.

Надо признать без ложной скромности, любоваться есть чем: холеная кожа, туго набитые формы, пропорции — все идеально, все в ней радует глаз, ее собственный тоже. А что тут такого? Любить себя на всех пси-

хологических семинарах учат, Майя прекрасно освоила данную технику.

Внизу тоже есть ванная комната в стиле модерн с большущим корытом, в котором невозможно расслабиться, потому что ерзаешь вперед-назад, никакого кайфа. Майя обожает маленькую ванну на ножках в виде лап льва... или тигра... короче, хищного зверя. Она погрузилась в теплую воду, откупорила бутылку — это же плевое дело, когда-то работала официанткой. Виртуозно носить на подносах бутылки так и не научилась, зато открывала за иной вечер штук по тридцать, еще и щедрые чаевые получала за трюки с пробками. Наконец Майя налила в бокал шампанского, хлынувшего через верх бокала прямо в воду.

— Я принимаю ванну с шампанским! Ха-ха-ха... Ну-с, за меня красивую и умную! — Выпила половину, закусила шоколадом и сморщилась. — Шампанское с шоколадом не катит, никогда не нравилось это сочетание, лучше апельсинка.

Кинув в рот крупную дольку апельсина, жуя, она сунула в уши наушники, прикрыла веки и в упоении подпевала страстному латиноамериканскому певцу. О, как прекрасна жизнь, черт возьми! К тридцати годам Майя имеет все из того, чего жаждут ненасытные человеческие души и тела, правда, нет детей, но это не тот пункт, над которым стоило бы обливаться слезами. У нее всегда были другие задачи — дерзкие, емкие, заоблачные, неосуществимые для посредственностей, коих переизбыток на грешной земле. Люди не умеют строить свою жизнь, а она блистательно справилась с этой нелегкой задачей.

Ну, еще пару глотков! По правде говоря, бокальчиком не обойдется, спокойно приговорит бутылочку за

сегодняшний вечер, так ведь душа рвется праздновать, радоваться от счастья. К тому же сегодня день ее рождения — второе мая, в эту ночь она никогда не оставалась одна, но постоянный праздник тоже утомляет, а у нее победа за победой, настал миг передышки. Хочется немножко покоя, на какое-то время отойти от суеты и напряжения. Майя повернулась к столику, одновременно протягивая руку к бокалу, открыла глаза и... вздрогнула, а крик ужаса застрял в горле, которое перехватила удушливая петля.

Всего в метре от ванны стояло дряхлое, костлявое чудище с седыми космами, достающими до впалой груди, с малюсенькими глазками, спрятанными в мелких и глубоких морщинах, с едва заметной полоской рта и выступающим вперед острым подбородком. Канделябр на столике с пятью искусственными свечами локально высветил рожицу старой ведьмы, а сзади подсвечивала тусклая лампа над входом, из-за необычного освещения старуха в застиранном балахоне до пят выглядела загробной жительницей, вылезшей из самой преисподней, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Она жадно смотрела на молодую обнаженную женщину, а взгляд... людоедки, которая хочет сожрать прекрасную купальщицу.

— Господи-и-и... — шепотом, практически неслышно, выдавила Майя, держась за края ванны, и с облегчением выдохнула: — Как же ты меня напугала...

Постояв немного, ничего не сказав, старуха медленно развернулась и поплелась к выходу, легонько переваливаясь с ноги на ногу, словно пьяненькая. Глядя ей вслед и запивая испуг шампанским, прекрасная купальщица видела ее босые ступни, неслышно ступающие по кафельному полу. Когда же старая

карга вышла из ванной, Майя, еще не в силах оторвать взгляда от дверного проема, с досадой выговорила:

— Так можно загнуться с перепугу. Совсем про тебя забыла, старая рухлядь, не слышала, как ты вошла. В этом доме надо закрываться на все задвижки, не удивлюсь, если и призраки появятся, здесь сама атмосфера... загробная. Продам к чертовой матери этот замок, с каргой в нагрузку продам.

Майя налила шампанского, залпом выпила и снова по шею погрузилась под воду, выставив над поверхностью колени. В ушах звучала музыка, но уже не хотелось слушать латинос-мачос, наушники полетели на столик. Следовало бы подлить горячей водички, чтобы понежиться подольше, да настроение испорчено старой ведьмой, шастающей иногда по ночам, как привидение.

Она резко встала во весь рост, перешагнула через край ванны и, оставляя мокрые следы, подошла к шкафу, машинально взяла с полки банное полотенце, а не халат, завернулась в него. Высушив феном волосы, пришла в спальню, не забыв прихватить бутылку с бокалом, а в закуске она не нуждалась — антураж из апельсина и шоколада хорош к шампанскому, когда внутри блаженство, мир.

— Вот маразматичка чертова! — наливая в бокал шипучий напиток, ворчала Майя. — Притащилась, когда было так хорошо. Она как дурной знак.

Всякий сбой, пусть незначительный, приводит к дисбалансу всех органов чувств Майи, даже вкус теряется, наверно, это болезнь. Лечение есть: нужно тупо расслабиться, уснуть, завтра сегодняшнее состояние покажется глупостью, на которую не стоило обращать внимания, но это будет только завтра, а сегодня...

Майя выпила бокал до дна, выскользнула из полотенца, упавшего к ее ногам, и бухнулась плашмя поперек кровати, хотя без разницы, как лежать — вдоль или поперек, ширина равна длине. Машинально протянула руку за подушкой, потом уткнулась в нее лицом, чувствуя, как тело расслабляется, голова туманится, мысли ускользают. Вторая рука сжимала ножку бокала в кулаке... Еще пару глотков и — завтра наступит сразу, как только закроются глаза, то есть ночь промчится незаметно.

Майя перевернулась на спину, приподнялась на локтях и... застыла, глядя прямо на противоположную стену, одновременно ощущая, как истерично, до колющих болей, затрепыхалось сердце.

Показалось или нет? Будто шевельнулось там... рядом со шкафом... шевельнулось и притаилось нечто неопределенное, какой-то большой сгусток...

— Что за черт? — почти беззвучно произнесла она, напрягая зрение.

Источник света в спальне от фонаря во дворе, но этот свет рассеянный и далековато от окна, он как бы маревом вторгается в спальню, толку от него мало. И второй — практически бесполезный, это крошечная лампа на прикроватной тумбочке, выполняющая функцию ночника. Она слишком тусклая, чтобы рассмотреть на достаточно большом расстоянии, что за сгусток прижался к боковой стенке шкафа. Для кого-то это не причина — тусклый свет, рассмотреть природу сгустка даже в темноте кому-то несложно, у Майи все со знаком качества, а вот зрение немножко подкачало. Она оставляет гореть лампу на всю ночь, чтобы, проснувшись, не очутиться в кромешной черноте без очертаний, без ориентиров, словно в пространстве вечной

тмы, где нет жизни. А Майка, бывшая простушка, очень любит жизнь и все ее краски.

Нет, у той стены ничего не должно находиться, это просто тень от шкафа, а все же как-то не по себе. И Майя всматривалась, щурясь, чтобы сначала, прежде чем пойти к шкафу, на расстоянии распознать, что ее так напрягает.

В следующий миг она еще больше сжалась, потому что ступок отделился от шкафа... О боже, это что-то бесформенное и живое... Живое?! Дохнуло безысходностью...

Стало так страшно, что непроизвольно вырвался короткий крик. Майя не узнала собственный голос.

Черная тень бесшумно плыла к ней, даже не вздрогнув от внезапного утробного крика. Постепенно очертания из размытых становились четче, наконец она рассмотрела силуэт человека, да ведь больше никто и не может двигаться.

Человек пробрался в спальню! Майю не так-то просто сломать психологически, она живо сообразила: надо заговорить, уболтать, тем самым сломать намерения, явно плохие намерения, о которых желательно не думать, иначе волю парализует безнадежность.

Она уже набрала полную грудь воздуха, но внезапно взметнулась вверх рука тени... Майя это определила, когда сверкнула сталь. Странно, света от лампы мизер, а сталь ножа его поймала — яркий красноватый блик...

И новая мысль обожгла: нож? В руке нож? Только и пришло на ум — нож, возможно, интуиция определила, а не слабое зрение. Но зачем? Для нее, для Майки? Значит, сейчас оборвется жизнь...

Жизнь на лезвии ножа, а Майя, понимая всю безысходность своего положения, вопреки всякой логике, отчетливо увидела себя в далеком и забытом ею детстве...

***

Вспоминать, что она не просто из глубинки, а из провинциальной дыры, из глухого городка, которому подходит гордый статус большой деревни, она не любила. Не было ничего хорошего там, чтобы память цеплялась за истоки, или, как говорят, за корни. Майя и не вспоминала. Для этого не нужно было прилагать усилия, она просто отбросила то существование, как старый хлам в мусорный бак, и окунулась в большую, разнообразную, яркую жизнь. Между прочим, Майя усвоила: к глубоким провинциалам отношение немного презрительное, их за дурачков держат, норовят обмануть, кинуть, нагреть, поймать во всех смыслах.

Усвоив уроки, она не стеснялась дать понять, что все считает, хотя снобам на это было наплевать, тем не менее данная позиция поднимала ее самооценку. С другой стороны, она осознавала, что надо меняться и чем-то отличаться от зажавшихся девиц с папиным счетом в банке. Имея природу обезьяны, Майя легко копировала манеры дев из семей буржуинов, но отбирая только лучшее, худшее научилась держать в уме на всякий случай — вдруг пригодится, кстати, пригодилось не раз.

Но это было много позже, а в смертельный час вспомнила себя именно там, в маленьком городишке, похожем на деревенскую экзотику, увидела она малышку Майку-Маечку, тянущую ручонки к маме, стоя в деревянном манеже, в котором подрастала вся соседская ребятня — каждый ребенок в свое время.

О время... Оно проносится так быстро, не успеваешь запоминать главные вехи, а уж мелочи вообще испаряются из памяти. Однако в миг, когда над головой взвилась реальная смерть, именно незначительные

и забытые мелочи проносились перед глазами за сотые доли секунды. Например, как мама, молодая и красивая, подхватила ее на руки, потом пичкала манкой, а малышка Майка, смирившись с неизбежностью (манной кашей), болтала ножками в синих пинетках.

И мгновенно перенеслась к школе, это двухэтажное старое здание, которое топили углем в подвале под названием «котельная». Майя держала в руке букет из разноцветных астр, в другой — портфель, она гордо шагала в новеньких лаковых туфельках, шагала осторожно, чтобы не помять их, чтобы заломы и трещины не изуродовали туфельки, а они все равно появились. Майя-первоклассница была счастлива и приступила к учебе, как к священному ритуалу, ей понравилось учиться, в классе было так уютно, так тепло, особенно в дождливую погоду...

***

Боже, как зловеще сверкнул на лезвии блик, как сильно, до удушья, сжал горло горячий ужас! И ни лица, ни точных очертаний фигуры не разглядеть, чтобы понять — человек это или Инферно вырвалось на волю из самого ада. Один силуэт, черное и плотное пятно в воздухе с поднятой вверх рукой, видимо, на убийце куртка с капюшоном... А блик от крошечной лампы предательская сталь поймала.

Надо бы закричать, позвать на помощь, но только хрип, глухой и протяжный, вырвался изнутри, снова утробный, неузнаваемый. А ведь зови не зови — никто не придет... Никто! Старя карга бесполезна во всех отношениях, а в доме больше никого нет, Майя не нанимала прислугу с проживанием, кто знает, что придет в голову чужим людям, когда хозяйка спит.

Нет спасенья от карающей руки, нечем защититься... но ведь можно увернуться. Майя перекатилась на кровати к спинке, и первый удар ножа пришелся на то место, где она только что лежала, нож врезался в матрац. И силуэт убийцы упал на кровать, полагая, что падает на Майю. Сомнений нет, кто-то пробрался в дом, чтобы убить ее.

— Господи, кто это... — шевелились беззвучно губы Майи.

Не попав в тело, человек в балахоне замешкался, стал подниматься. Воспользовавшись паузой, Майя взлетела с кровати и ринулась к двери.

Видимо, зрением убийца обладает отличным, он опередил ее, она резко затормозила, когда зловещий силуэт еще не добежал до выхода из спальни. А затормозила потому, что где-то в затылке сидело: надо держаться на расстоянии, нельзя подпускать Инферно к себе ближе вытянутой руки, желательно находиться подальше от него. Если бы она рискнула выбежать из спальни, не исключено, что лезвие ножа могло догнать ее. И вот силуэт перед ней, он отрезал путь к спасению.

— Ты кто? — взревела Майя, отступая. — Что тебе нужно?

Какой идиотский вопрос! Силуэт уже пытался убить ее, а она спрашивает, что ему нужно. Это от потрясения. И желания жить... жить... жить...

***

А самое первое серьезное потрясение Майя испытала в тринадцать лет, случилось это в самом начале осени после знойного лета. Однажды она прибежала из школы на минутку за учебником математики и тетрад-

кой с заданием, которые забыла дома, что случалось крайне редко. Семья проживала в частном доме, не роскошном, но вполне себе сносном — из четырех небольших комнат и кухни с прихожей, удобства во дворе, но это никого не смущало, почти все так жили в частном секторе. Домик от улицы отделял палисадник и забор,ходишь во двор и сразу налево — цветы почти в рост Майки качались от ветерка, а дальше — вишня с яблоней ветками сцепились.

Едва Майя вошла во дворик, который сверху густо оплел виноград, создавая плотную тень, до нее долетели негромкие прерывистые стоны и учащенное дыхание. Ничего подобного ей не приходилось слышать, она не понимала природу странных звуков, а раз не понимала, следовало выяснить их происхождение. Одержимая любопытством, ступая на цыпочках, Майя двинулась на звуки.

Так она подобралась к дальнему окну, прижалась к стене дома, потом одним глазком заглянула в комнату... но тонкий белый тюль хорошо скрывал то, что там происходило, а ведь происходило. Майка не отходила от окна, все пыталась разглядеть, в чем причина этих странных и волнительных звуков. Внезапный порыв сквозняка надул занавеску, после чего ее край взметнулся к потолку комнаты, а Майя наконец увидела... и жутко испугалась. От нахлынувшего страха она присела, чувствуя, как бешено колотится сердце, как рвет оно хрупкие косточки на груди от тесноты, казалось, вот-вот сломает их.

Но звуки из комнаты оставались ровными, не прерывались и притягивали взглянуть еще разок. А чего, собственно, она испугалась? Увидеть ее не могли, и Майка поднялась на ноги, стукнувшись головой о яблоко на

ветке, от испуга немного присела, теперь только глаза торчали над подоконником. В таком положении она ждала, когда сквозняк приоткроет чужую тайну...

Наконец занавеска снова взлетела, затрепыхалась где-то вверху комнаты, а Майя на этот раз рассмотрела голый мужской зад между женских ног, спину и часть затылка — голова была опущена. Зад отвратительно двигался. Спина тоже двигалась не менее отвратительно. Когда опустилась занавеска, Майя больше не стала испытывать судьбу, присела под окном на корточки, опираясь о стену дома спиной, и задумалась.

Она сразу, еще первый раз заглянув в комнату, поняла, что проникла в сокровенную тайну, к которой никого не подпускают, преступную тайну, не предназначенную для посторонних глаз. И догадалась: ее глаза самые что ни на есть посторонние, крайне нежелательные.

Кое-что Майка знала об интимных отношениях мужчины и женщины, но это «кое-что» было та-ак далеко от того, что она увидела... как Луна от Земли. Луну мы видим ярким желтым блином на небе, на самом деле она огромная, пустая и серая, совсем не то, чем кажется с земли. В представлении Майи любовь ограничивалась поцелуями, ну да, еще секс бывает, но шушуканья девчонок на эту тему ее не привлекали, слушать **про это** было неловко, а то и гадко. Голова была занята учебой, кружками после уроков, мечтами уехать из паршивенького городишки в большущий центр, разумеется, когда вырастет. И пока она, сидя под окном, осмысливала момент, в комнате заговорила... мама:

— Ну, все, все, одевайся. Скоро Майка из школы придет...

Какая школа! Майя забыла про нее, забыла про учебник и тетрадку, да и поздно бежать назад, половина

урока уже прошла. Она сидела под окном как мышканорушка под лапой безжалостного кота, борясь с желанием заглянуть в окно еще разок, потому что мама... до сих пор она не соединила маму с голыми ногами, торчащими из-под мужика.

— Как минимум у нас минут сорок в запасе.

Это был мужской голос, Майя не узнала, чей он, у нее колотилось сердце, шумело в ушах.

— Нет, нет... — странной интонацией произнесла мама, словно преодолевая некую преграду. — Уходи... Ну, пожалуйста... уходи.

До Майки дошло: в комнате мама и мужик, больше там никого нет, значит, на диване... Этого не может быть. Но больше-то некому, это ее ноги торчали.

— Ладно, — сказал мужик. — Завтра продолжим.

— Иди уже! — рассмеялась мама.

Внезапно и Майя опомнилась. Во-первых, мужик должен выйти и, проходя мимо, если повернет голову, увидит девчонку под окном. Во-вторых, ей до жути хотелось выяснить, чью задницу она подсмотрела. Майя поползла на четвереньках вдоль стены дома, выбирая место для укрытия... Конечно, в цветнике он ее не заметит! Почти у самой ограды росли цветы с белыми чашечками-граммофонами и большущими листьями, туда и нырнула девочка, села на землю, подтянула к груди коленки и положила на них подбородок — теперь хорошо видна часть двора между листьями, а ее вряд ли кто увидит.

Он и не думал вертеть головой, шел уверенно, с улыбочкой обожравшегося волка на красивой роже... Это был дядька Славка Хомутов, угловой сосед, его дом на углу квартала, а Майкин дом в середине этого же квартала. Он видный мужик — что рост, что плечи, что

морда, выпрыгнувшая из телика, осталось только показать ему свою крутизну, типа из пистолетов пострелять. Вот такой он. Но пистолеты с крутизной — это выборка из характеристик соседок, на самом деле дядька Славка фермер, у него парнокопытные и безкопытные, включая пернатых всех мастей. Ферма с курятниками за городом, туда он ездил каждый день... А в перерыв, выходит, к мамуле на диван заскакивал.

Умненькая Майка приподнялась, чтобы посмотреть, куда отправится Хомутов, неужели рискнет мимо своего дома пройти? А его машина? У него внедорожник обалденный, не мог же он пешком притопать! Ну, конечно, конечно, Хомутов в противоположную сторону отправился, наверное, за углом оставил свой джип размером с автобус, который хочешь или не хочешь, а заметишь. Ой, наверняка соседи в курсе его приездов, то есть соседки, языки у них раздвоенные, как у гадюк — так высказывался папа.

Странно, но первая реакция Майки — стыд, накрывший девочку, будто снежная лавина. Один раз дед возил ее в горы, там она видела издалека лавину, случайно они не попали под нее, но впечатлений Майка получила на всю жизнь. Говорили, будто в той лавине погибли люди, обрушилась она внезапно, впрочем, на базе предупреждали, чтобы отдыхающие поостереглись в тот день...

***

После гор всяческие неудачи с плохими событиями в жизни ассоциировала Майя с той лавиной, уничтожающей на своем пути все живое и неживое. Сейчас смертельная лавина пыталась догнать ее в спальне, которая